

И. Л. Андреев

**К. МАРКС О МЕСТЕ ОБЩИНЫ ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ
В НАБРОСКАХ ОТВЕТА НА ПИСЬМО В. И. ЗАСУЛИЧ**

18 февраля 1881 г., находясь в Лондоне, К. Маркс получил из Женевы письмо от известной русской революционерки В. И. Засулич. Написанное под влиянием вызванной «Капиталом» дискуссии на страницах «Отечественных записок» и ряда других русских журналов того времени, это письмо ставило перед К. Марксом вопрос о применимости разработанной им теории развития буржуазного общества к специфическим условиям России, где в отличие от Западной Европы сохранилась крестьянская община, наиболее массовая в тот период социально-экономическая форма консолидации аграрного населения страны.

Подъем революционного движения пролетариата в индустриальных странах Западной Европы ставил на повестку дня вопрос о политических позициях крестьянства, могущего выступить в грядущей социалистической революции союзником как рабочего класса, так и контрреволюционных сил. В свете этой объективной политической альтернативы сохранение в пореформенной России общины (наряду с помещичьим землевладением) и причудливого сочетания стихийного протеста крестьянства против феодально-помещичьего самодержавия с иллюзорными надеждами революционных демократов и народников о возрождении крестьянского «мира» как принципа общественного устройства крупнейшей европейской страны, естественно, привлекало пристальное внимание основоположников марксизма к разворачиванию революционного движения в России и к полемике о судьбах земледельческой общины, развернувшейся в среде передовой русской интеллигенции 70-х годов.

К. Маркс работал над ответом на письмо Засулич в течение трех недель непосредственно после завершения подробнейших конспектов книги Л. Морган «Древнее общество»¹, а перед этим — книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение»². Три предварительных наброска ответа, последний из которых обрывается на полуслове, общим объемом около полутора печатных листов³, были впервые опубликованы в переводе с французского языка в 1924 г. в СССР. Четвертый набросок по существу идентичен тексту отправленного адресату письма. Своим лаконизмом и ответом лишь на непосредственно поставленные Засулич вопросы он наводит на мысль, что, «по-видимому, Маркс счел тогда момент неподходящим для публичного выступления с подробным рассмотрением вопросов о характере социально-экономического развития и о

¹ L. H. Morgan. Ancient society or research in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilisation. N. Y., 1877.

² М. М. Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.

³ К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 400—421. Далее ссылки на эту работу даются в тексте.

русской общине. Он принял решение написать В. Засулич краткое письмо, оставляя до другого времени использование подготовленных рукописных материалов»⁴.

Тем не менее наброски ответа Засулич представляют собой вполне самостоятельное по кругу проблем и глубине их исследования теоретическое произведение К. Маркса. В его основе лежит разработка методологических принципов анализа общины и места последней во всемирной истории, а также обобщение под этим углом зрения громадного материала по истории России, собранного К. Марксом в течение нескольких предшествующих лет.

Главное, отмечает К. Маркс, что было сделано им в «Капитале» в плане исследования исторических судеб докапиталистических социальных структур, это выявление объективных закономерностей экспроприации мелкого производителя-землевладельца в процессе становления капиталистической общественно-экономической формации. Данный процесс опирался на насильственное превращение карликовой (раздробленной) частной собственности многих, основанной на собственном труде, в крупную, концентрированную капиталистическую частную собственность немногих, основанную на эксплуатации чужого наемного труда (стр. 400, 411, 412 и др.). Однако, если в Западной Европе одна форма частной собственности сменялась другой формой частной собственности, в России, в силу специфики ее исторического прошлого, «земля никогда не была *частной собственностью* русских крестьян» (стр. 400). В то же время, подчеркивал К. Маркс, «Россия живет не изолированно от современного мира; вместе с тем она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя» (стр. 401).

Если Россия, считал К. Маркс, продолжит движение по пути капитализации, на который она по существу уже встала, то община будет разлагаться все быстрее. И как только на месте общинной коллективистской собственности окончательно укоренится частная парцеллярная собственность на землю, так сразу усилятся экспроприация непосредственных производителей и рост капиталистической частной собственности. Тогда механизм исторического развития, раскрытый в «Капитале», неизбежно проявит себя и в России.

Законы капитализма, естественно, действуют прежде всего там, где сложились буржуазные отношения. Впрочем, они подчас проникают в толщу докапиталистических, общинных социально-экономических структур. В этом случае характер их взаимодействия определяется, как правило, степенью «насыщенности» последних элементами и связями капиталистического типа, структурой самих общинных форм и характером социальной среды, в которой данное взаимодействие разворачивается. Пока в России, наряду с помещичьим землевладением, сохранялась община, пока там были относительно сильные традиции коллективной собственности и трудовой взаимопомощи, до тех пор особенности социально-экономической структуры русской деревни действительно открывали, по мнению К. Маркса, известную возможность «воспользоваться всеми положительными приобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее кавдинские ущелья» (стр. 420). Только революция могла создать исключительную историческую ситуацию для русской общины, которая вне этих условий неизбежно, в силу объективных исторических законов, бурно разрушалась под натиском капитализ-

⁴ Р. П. Конюшая. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975, с. 73. В этой книге достаточно подробно и обстоятельно освещена историческая и политическая обстановка в России тех лет. О философско-социологических дискуссиях, посвященных судьбам русской общины, дают представление также следующие монографии: П. Ф. Лантин. Община в русской историографии последней трети XIX — начала XX в. Киев, 1971; В. А. Малинин. Философия революционного народничества. М., 1972, и ряд других работ.

ма. Уже в первом наброске письма к Засулич К. Маркс чеканно сформулировал главную предпосылку, при которой иллюзорные при иной ситуации надежды народников получали историческое оправдание: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция» (стр. 410).

Непосредственно в набросках ответа на письмо Засулич К. Маркс не дает определения типа русской революции, которая в принципе могла открыть перед общиной перспективу «новой жизни». Видимо, К. Маркс имел в виду направленную на свержение самодержавия демократическую революцию в России, которая дала бы толчок пролетарской революции в промышленно развитых странах Западной Европы, а последняя теоретически могла стать условием использования коллективистских традиций русской общины в процессе прогрессивных социально-экономических преобразований, выходящих за рамки буржуазных реформ. Во всяком случае, в январе 1882 г. К. Маркс и Ф. Энгельс в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» писали следующее: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁵.

Спустя еще 12 лет, в январе 1894 г., Ф. Энгельс в «Послесловии к работе „О социальном вопросе в России“» вновь возвращается к проблеме исторических судеб общины в эпоху кризиса капитализма, полагая, что «те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе. Но неизбежным условием для этого являются пример и активная поддержка пока еще капиталистического Запада»⁶, — резюмировал Энгельс, подчеркивая, что «инициатива подобного преобразования русской общины может исходить исключительно лишь от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины»⁷. Причем «новый толчок рабочему движению Запада» призвана была дать, по Энгельсу, русская революция, необходимыми чертами которой должны были быть «ниспровержение царского деспотизма» и освобождение крестьянства от нищеты, разобщенности и политической слепоты⁸.

Отмечая, что внутренним стержнем специфики России начала 80-х годов являлась сохранность общины «в национальном масштабе» (стр. 401, 405, 407, 413), К. Маркс анализировал два основных аспекта этой проблемы, которые, пользуясь современной терминологией, можно расчленить как генетический и структурно-функциональный. Он выявил исторические корни, истоки существовавшего в России типа земледельческой общины, в специфических условиях сохранившегося вплоть до эпохи капитализма. И уже исходя из этого, К. Маркс исследовал влияние на общину наличных исторических условий России, одновременно теоретически намечая тенденции и перспективы их изменения в будущем.

Аргументируя ответ на вопрос Засулич о судьбах русской общины, К. Маркс поставил более широкую проблему места общины в историческом процессе, отмечая в этой связи ее неразработанность в науке своего времени. Чтобы понять драматическую дилемму современной общины, полагал К. Маркс, необходимо выявить, какие последовательные стадии она закономерно прошла в своем развитии. Используя метафору Л. Мор-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 305.

⁶ Там же, т. 22, с. 445, 446.

⁷ Там же, с. 444.

⁸ Там же, с. 453.

гана из книги «Древнее общество», К. Маркс сравнивал сменявшие друг друга первичные, вторичные, третичные и т. д. типы общин с геологическими образованиями. «Историю разложения первобытных общин... еще предстоит написать. До сих пор мы имели только скудные наброски», — считал он (стр. 402). Тем не менее уже тогда исследование первичных социальных форм Маурером, Морганом, Ковалевским и другими учеными позволяло, по его мнению, констатировать гораздо более высокую жизнеспособность первобытных (родовых) общин по сравнению с последующими общественными структурами и увидеть причину распада общин в экономических процессах, развертывающихся в определенной исторической среде.

Размышляя о разнообразии типов общин, К. Маркс писал, что они «представляют собой ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции» (стр. 417). Этапы последовательного распада родовой общины выступали тем самым и как стадии разложения (либо перерождения) первобытнообщинной формации и в принципе, безусловно, сопоставимы с последними. К. Маркс в этой связи говорил об индийской (и русской) общине как встречающейся «всегда в качестве *последнего этапа* или последнего периода архаической формации» (стр. 403 и др.).

Обращаясь к «Запискам о галльской войне» Юлия Цезаря, Маркс искал черты начальных этапов длительного процесса разложения первобытной общины в древнейших письменных свидетельствах истории германских племен, фиксировавших «отправной пункт этого процесса» (стр. 403). Его конечным пунктом соответственно выступала земледельческая, или сельская, община. Привлекает внимание тот факт, что в первых двух набросках словосочетание земледельческая община употреблялось не иначе, как в кавычках. Наоборот, в третьем наброске понятие земледельческой общины гораздо чаще (восемь раз из десяти) употребляется без кавычек, но зато в кавычки заключен термин «сельская община» (стр. 418).

Итак, в черновиках письма к Засулич земледельческая (сельская) община отчетливо отграничивалась от более древних типов общин. Наиболее архаичные общины, говорил К. Маркс, покоились на кровном родстве своих членов. Их структура по существу воспроизводила структуру генеалогического дерева. Напротив, устройство земледельческой общины создает реальную объективную основу для последующего разрыва этих узких связей. В недрах исторически первичной родовой общины все больше обособлялись родовые и собственно общинные отношения⁹. При этом община становилась гораздо более способной расширяться и выдерживать соприкосновение с другими, чужими общинами (стр. 403).

Характерно, что концептуальные схемы М. М. Ковалевского и Л. Г. Моргана при наличии ряда общих моментов (стихийный материализм и элементы диалектики в понимании исторического процесса, сравнительно-исторический метод исследования как средство кристаллизации общих, универсальных закономерностей развития первичных социальных структур и т. п.) существенно различались, в известном смысле были даже противоположны друг другу. В книге М. М. Ковалевского основным «кирпичиком», первичной «клеточкой» общественно-экономи-

⁹ Материалы дискуссии о соотношении рода и общины см.: М. В. Крюков. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации. — «Сов. этнография», 1967, № 6; А. И. Першиц. К вопросу о «третьем типе социальной организации первобытности». — «Сов. этнография», 1970, № 2; Д. Д. Тумаркин. К вопросу о сущности рода. — «Сов. этнография», 1970, № 5 и другие работы. В свете этой полемики совершенно ненаучным выглядит тезис об африканской «общине, из которой и выросли (?) родоплеменные институты» (А. В. Кува. Страны социалистической ориентации. М., 1978, с. 190).

ческого развития докапиталистических социальных структур выступала *община* как прежде всего хозяйственная ячейка, как коллективистский институт земледельческих (и отчасти пастушеских) народов, а потому история разложения общины выступала прежде всего как процесс генезиса частной собственности на средства производства и потребления. Напротив, у Моргана роль исходной социальной ячейки, в которой имманентно заключены перспективы и противоречия последующих этапов истории, играл *род*, а на авансцену исследования выходила проблема генезиса государственной власти.

Дилемму Моргана — Ковалевского «род или община» (акцентирование первым из названных авторов идеи саморазложения рода¹⁰, а вторым — закономерностей зависимости распада общины от характера социальной среды) К. Маркс разрешил путем своего рода диалектического «снятия» реального исторического содержания обеих концептуальных схем. Его позиция диктовалась не столько сопоставлением конкретного эмпирического материала, сколько самой логикой диалектико-материалистического подхода к анализу первичных социально-экономических структур¹¹.

Рассматривая общину как переживающее свою первичную родовую форму социальное образование, как «пронизывающий» все докапиталистические формации общественно-экономический институт, К. Маркс сформулировал в связи с типологией истории новый аспект временного членения всемирно-исторического процесса. Общинная собственность в России того времени рассматривалась им как «наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел через целый ряд эволюций» (стр. 413). Ранее, в первом наброске, К. Маркс, отмечая научные заслуги Маурера, писал, что, изучив общину вторичной формации, он «мог восстановить строение ее архаического прототипа» (стр. 403). От понятий «архаический прототип», «архаический тип собственности» К. Маркс перешел к понятию архаической формации, имея в виду, судя по контексту, первобытнообщинный строй.

«Архаическая или первичная формация земного шара, — констатировал он, — состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи. Русская сельская община принадлежит к самому новому типу в этой цепи» (стр. 413, 414).

В отличие от Засулич, рассматривавшей сельскую общину как специфическую черту России, и от многих буржуазных ученых, видевших в ней в лучшем случае особенность Востока, К. Маркс придал проблеме общины значение всемирно-исторического явления, трактуя последнюю как границу и одновременно связующее звено двух качественно различных эпох развития человечества. «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на част-

¹⁰ Анализ Марксова конспекта книги Моргана см.: *И. Л. Андреев*. К. Маркс о структуре и закономерностях первобытнообщинной формации в конспекте книги Л. Г. Моргана «Древнее общество». — «Сов. этнография», 1978, № 1.

¹¹ Характерна (и не только в отношении книг М. М. Ковалевского и Л. Моргана) манера осмысления К. Марксом исследований, привлечших его внимание. Он как бы «отслаивал» объективно зафиксированные тенденции от методологических позиций и нередко от непоследовательности, а то и от заблуждений исследовавших их авторов, словом, поднимался над материалом, творчески его переосмысливал с позиций диалектико-материалистического понимания всемирной истории как целостного процесса и, как правило, трактовал глубже, объемнее, плодотворнее, чем тот, кто непосредственно «на месте» исследовал данную проблему. Именно это позволяло К. Марксу в течение всей жизни углублять и детализировать основные принципы исторического материализма и общую теорию исторического процесса, привлекая дополнительные факты, разрешая заново встающие проблемы, анализируя едва проявившиеся социально-экономические тенденции.

ной собственности». «Вторичная формация,— поясняет далее К. Маркс,— охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве» (стр. 419). Объединяющим эти два специфических способа производства признаком, видимо, выступало наличие трансформированных социально-имущественной дифференциацией общинных социальных связей преимущественно в среде эксплуататоров (в первом случае) либо эксплуатируемых (во втором). В этом плане рабовладельческая и феодальная общественно-экономические формации могут противопоставляться как специфическая «вторичная формация» первобытно-общинному строю, с одной стороны, и капитализму — с другой.

Именно земледельческая община является, по К. Марксу, той социальной ячейкой (клеточкой), в недрах которой совершаются коренные изменения общественных связей, знаменующие собой переломную эпоху всемирной истории. Что же движет общину от первичной формации ко вторичной и далее к альтернативе, открываемой эпохой кризиса капитализма? Сами по себе внешние силы? Нет, прежде всего стимулируемые ими внутренние процессы, эпицентром которых выступает взаимодействие общественной (коллективной) и частной (индивидуальной) собственности на объективные предпосылки производства и потребления.

К. Маркс, как бы заглядывая внутрь общины, раскрыл объективный динамизм данной, в принципе инертной, социальной формы. Дом и приусадебный участок (двор) становились первыми объектами недвижимой частной собственности. Затем к ним «притягивалась» пахотная земля, которая формально еще долго оставалась общинной собственностью, продолжала подвергаться переделам, правда, все более редким. К. Маркс отмечал, что генетически связанная с переделами привычка коллективного (артельного) выполнения определенного круга работ представляла собой реликт первобытного типа кооперации, который «был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства» (стр. 404). Его последним материальным оплотом оставались леса, выгоны, пустоши, дольше всех других земель находившиеся в коллективной собственности общины.

Анализируя процесс трансформации родовой общины в сельскую, К. Маркс считал необходимым вновь специально подчеркнуть роль накопления движимого имущества в процессе социальной дифференциации общины. «Но самое существенное,— писал он,— это — парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для накопления движимого имущества, например, скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Эта движимая собственность, не поддающаяся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономику. Вот элемент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство. Он вносит чужеродные элементы, вызывая в недрах общины столкновение интересов и страстей, способное подорвать общую собственность сперва на пахотные земли, а затем и на леса, пастбища, пустоши и пр., которые, будучи однажды превращены в *общинные придатки* частной собственности, со временем достигнут последней» (стр. 419).

Словом, движущей силой разложения общины выступала вызревающая в ее недрах частная собственность на объективные предпосылки общественного производства. Круг последних закономерно расширялся. Этот процесс, в свою очередь, порождал имущественную и социальную дифференциацию общинников, столкновение интересов и зарождавшиеся классовых антагонизмов.

Выявление того объективного обстоятельства, что община внутренне противоречива, причем не в силу различия внешних воздействий на нее, а по самой своей сущности, было великим открытием К. Маркса, до которого не смог подняться никто из предшествующих ему исследова-

телей. В экономическом плане дуализм сельской общины заключался в сосуществовании в ее недрах инертной первобытно-коллективной и динамичной частной собственности на предпосылки и результаты производства. Истоки частной собственности переплетались с индивидуальным трудом. Собственно, реликты общественной собственности на землю опирались на исконные традиции совместного труда и хозяйственной взаимопомощи. В социальном плане дуализм земледельческой общины «вмещал» в себя противоречивое единство уравнилельно-демократических традиций первобытнообщинной эпохи и властно-имущественных привилегий общинной верхушки и кулаков. И наконец, в историческом плане коллективистский полюс дуализма общины, можно предположить, уходит своими истоками в социальную консолидацию рода, а частнособственнический — связан с тенденцией имущественной дифференциации общины.

Сформулированные К. Марксом методологические принципы анализа общины сохраняют свое теоретическое значение. Современные исследования подтверждают и позволяют детализировать глубокую диалектическую идею К. Маркса, согласно которой дуализм земледельческой общины как микросистемы аграрного общества реализуется в виде сосуществования потенциально противоположных социальных структур и форм общения. Иными словами, одни и те же люди одновременно участвуют в двух различных системах социальных связей, которые взаимодействуют как формальная (кровнородственная) и неформальная (функционально-корпоративная) организации¹². Первая имеет своим основанием канонизированные отношения родства, в том числе искусственного¹³. Вторая охватывает внеродственные локальные формы кооперации труда и средств производства¹⁴.

Развивая мысли К. Маркса о дуализме общины, можно предположить, что община как первичная ячейка социальной организации несет в себе ростки деспотической и демократической тенденций общественного регулирования и контроля. Эволюция общины как хозяйственной ячейки объективно связана с двумя находящимися в диалектическом единстве тенденциями генезиса эксплуатации — отчуждением прибавочного труда и отчуждением прибавочного продукта¹⁵.

В недрах родственно-патриархальной системы преимущественно личных связей эксплуатация и угнетение складывались в форме отчуждения верхушкой прибавочного продукта основной массы общинников. В сфере соседско-деревенских институтов, ядром которых долго остаются традиции коллективистских работ, эти же самые крестьяне нередко эксплуатировались кулацко-ростовщическими элементами путем отчуждения их прибавочного труда.

В первом случае власть наследственных блюстителей традиций — старейшин (распоряжение людьми) обычно служила основанием для распоряжения главными средствами производства: свободным земельным фондом, водой, пастбищами. Напротив, во втором случае такой элемент производственных отношений, как формирующаяся частная собственность на основные средства производства (скот, землю, воду), зачастую становился предпосылкой власти над людьми, генетически вырастающей из потребности регулирования общественного производства. В первом случае почвой эксплуатации выступали архаические родоплеменные тенденции общины, традиции «родства» бедняка и богача,

¹² И. Л. Андреев. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу. — «Сов. этнография», 1971, № 2.

¹³ А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939, с. 52; Н. А. Бутинов. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968, с. 175.

¹⁴ См. Г. Гибш, М. Форверг. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972, с. 39, 60, 194.

¹⁵ Подробнее об этом см. И. Л. Андреев. Тенденции и стадии генезиса эксплуатации, М., 1973.

на страже которых стояли суровые, казавшиеся вечными и незыблемыми «обычаи предков». Во втором случае кулацко-ростовщическая верхушка, используя экономические рычаги (свое богатство), постепенно, но неуклонно захватывала в свои руки назначение старейшин и других должностных лиц общины.

Например, деревенские жители многих стран Тропической Африки по сей день одновременно втянуты в две противоположные и по-своему противоречивые системы социальных отношений и связей. Одна из них пирамидальна и этим напоминает миниатюрный слепок сакрально-деспотической структуры власти древневосточных деспотов: вождь — старейшины — главы семей — взрослые мужчины — подростки — выходцы из других местностей, племен, этнических групп. Другая система — эволюционно более молодая, а поэтому существенно динамичнее первой. В центре ее находится коммерсант — кулак, узурпировавший связи с рынком и административными органами, а также распоряжение поступающими от последних кредитами. Вокруг него располагаются соответственно степени зависимости: подкулачники — батраки — кабальные должники — держатели кратковременных ссуд — потенциальные должники и работники¹⁶.

В Танзании по признаку преобладания в деревне той или иной из названных систем отношений различаются родственно-патриархальные общины (*community*) и соседско-деревенские (*village*)¹⁷. Не улавливая диалектической связи этих типов общинных структур, средоточием которой является вскрытый Марксом феномен дуализма общины, трудно не только объяснить различную эффективность проводимой танзанийским правительством кампании по созданию «социалистических деревень» (*уджамаа*) в районах товарно-рыночного и самообеспечивающе-автаркического сельского хозяйства, но и дать адекватную оценку самому многообразию «ликлов» крестьянской общины. И если сенегальский исследователь Тьерно Амаг сокрушается, что разнообразие социальной структуры даже в какой-то небольшой отдельно взятой области не дает возможности сделать вывод, исходя из единой модели¹⁸, то президент Танзании Джулиус Ньерере, напротив, убежден в том, что само это разнообразие чаще всего представляет собой не что иное, как «местные вариации однотипных традиционных структур»¹⁹. Каждый из них прав по-своему. Единая модель должна быть диалектической. Только тогда она может охватывать внешне противоположные структуры как однотипные, но полярно ориентированные в зависимости от характера социальной среды. Примером может служить концепция дуализма общины, разработанная Марксом в набросках ответа на письмо Засулич.

Дуализм общины в различные исторические эпохи и в различных конкретно-исторических условиях обнажает те или иные свои грани, реализуется в специфических формах и становится почвой разнородных социальных процессов. В методологическом плане он представляет собой социальный феномен, своеобразно преломляющий сквозь традиционные

¹⁶ Автором данной статьи предложено структурно-функциональное выражение дуализма общины в виде антагонизма патриархально-общинных и парцельно-общинных отношений. См.: *И. Л. Андреев*, *Общинные структуры и некапиталистический путь развития*. Владимир, 1973; *его же*. *Некапиталистический путь развития*. Опыт философско-социологического анализа. М., 1974.

¹⁷ Вызывает принципиальное возражение попытка А. В. Кивы, игнорируя диалектическую противоположность различных типов общин в Тропической Африке, объединить их под рубрикой «родо-племенной общины (большой семьи)» (*А. В. Кива*, *Указ. раб.*, с. 189). Здесь смешаны стадияльно различные формы общин — родовая и большесемейная, а главное, ни слова о ее наиболее поздней и наиболее распространенной разновидности — сельской общине, именно той, которую столь скрупулезно изучал К. Маркс.

¹⁸ *Тьерно Амаг*. *Классовая структура стран Тропической Африки*. — «Проблемы мира и социализма», 1966, № 2, с. 27.

¹⁹ *J. K. Nyerere*. *Socialism and rural development*. Dar-es-Salaam, 1967, p. 13.

институты и кристаллизованные в них тенденции далекого прошлого противоречивые внешние воздействия более поздних эпох. Влияния исторической среды обычно стимулируют тот или иной из полюсов внутреннего дуализма общины и соответственно подавляют другой. В обоих случаях община трансформируется в качественно новое состояние.

Возвращаясь к тексту К. Маркса, важно отметить, что для него историческая среда не просто «поле» действия дуализма общины. В зависимости от ее характера последний либо «дремлет», либо активизируется, «разрывая» в конце концов общинные узы. Здесь заключены истоки как консерватизма, застойности общинных форм, так и исторического динамизма зреющих внутри них центробежных сил. «*Дуализм*, свойственный строю земледельческой общины, может служить для нее источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин». «Но не менее очевидно,— подчеркивал К. Маркс, акцентируя противоположную, значительно дольше находившуюся в тени сторону данного процесса,— что со временем тот же дуализм может стать зародышем разложения. Помимо всякого рода разрушительных влияний, приходящих извне, община несет в своих собственных недрах элементы своей гибели» (стр. 418, 419).

В частности, сохранению русской общины «в национальном масштабе» в немалой степени способствовала такая ее черта, как изолированность от других ей подобных. Это специфическое сочетание экономической автаркии (на уровне базиса) и социально-психологической обособленности (в сфере духовной надстройки) дало К. Марксу (стр. 405) основание квалифицировать земледельческую общину России как «*локализованный микрокосм*, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм»²⁰.

Маркс не ограничился ретроспективным выяснением исторических корней и сущности дуализма земледельческой общины в России. Он сумел увидеть грядущую историческую перспективу коллективистских институтов общины, связывая рассмотрение данной проблемы с надвигающейся, по его мнению, русской революцией, могущей коренным образом изменить характер эволюции общинного крестьянства. Идея целостности, всемирности, универсальности исторического развития человечества пронизывала рассуждения К. Маркса о дуализме крестьянской общины и подспудно скрытой в нем альтернативе ее будущих судеб. Экскурс в область истоков общинных структур помог К. Марксу «расчленить» противоречивость их развития, выделить закономерности, имманентно присущие самой общине, и те ее черты, которые обусловлены прошлым и настоящим воздействием внешней среды.

На наш взгляд, истоки общинного дуализма обусловлены тем, что

²⁰ Г. В. Плеханов высказал мысль о том, что усиление централизации, начиная с Ивана Грозного, постепенно привело к тому, что к петровскому времени «подневольный быт русского крестьянина стал, как две капли воды, похож на быт земледельца великих восточных деспотий». «Надо думать,— развивал он эту мысль по отношению к началу XVI в.,— что если бы ожила мумия какого-нибудь „холопа“ или дьяка... одного из египетских фараонов, скажем, XII династии, и совершила путешествие в Московию, то в противоположность западному барону Герберштейну она не нашла бы очень много удивительного для себя в общественно-политическом быту этой страны. Она решила бы, что отношения москвитян к верховной власти, весьма близкие к тому, что существовало на ее далекой родине, именно таковы, какими они должны быть в благоустроенной стране» (Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Соч., т. XX. М.—Л., 1925, с. 72, 79).

сельская община представляет собой социальный феномен переходной между первобытнообщинным и классово-антагонистическим обществом эпохи. Она расположена как бы на их стыке. Поэтому община «соткана» из противоречий: с одной стороны, она несет на себе, как улитка раковину, древние традиции коллективизма и взаимопомощи, стихийного демократизма в решении общественных дел; с другой стороны, принадлежность к классовому обществу видна в «разьедающем» общину имущественном и социальном расслоении, в постепенной трансформации традиционных институтов в средство ее эксплуатации извне (как связанной круговой порукой фискальной ячейки) и изнутри (со стороны возвышающихся над общиной вождей и глав семейств). Она уже вырвалась из первобытнообщинного строя и в то же время не разорвала всех прежних связей с ним, а потому «противится» тенденции капиталистического развития, означающего ее мучительную гибель²¹.

Ключ решения проблемы дальнейших судеб общины К. Маркс видел в ее дуализме, который своим развитием в ту или иную сторону «снял» внешние влияния на нее, открывая то или иное направление эволюции. В этом смысле остается актуальным сформулированный в третьем наброске тезис К. Маркса: «Ее (земледельческой общины.— И. А.) врожденный дуализм допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится» (стр. 419).

Динамизм исторической среды, в частности российской действительности тех лет, не позволял дать однозначного ответа на вопрос о судьбах земледельческой общины в грядущих социальных процессах именно в связи с их глубокой противоречивостью. В России все более утверждался капитализм как, несомненно, закономерный и определяющий ее дальнейшее развитие способ производства. Вместе с тем интенсивное развитие буржуазных производственных отношений обусловило заметную активизацию революционного движения. Быстро формировался и революционизировался пролетариат.

Когда Западная Европа уже пережила «долгий инкубационный период развития машинного производства» (стр. 401), поток капиталистических новшеств хлынул в Россию, охватывая прежде всего города и верхушечные кулацко-ростовщические слои деревни. В силу замкнутости, изолированности общин друг от друга некоторое время как бы «обтекал» эти общины, просачивался между ними, первоначально мало задевая их внутреннюю структуру.

Так сложилась ситуация сосуществования общины и капитализма. В течение двух-трех десятилетий это был, пожалуй, главный сюжет русской социологической литературы, независимо от того, в какой плоскости он рассматривался: народнической идеализации самобытности общины или либерально-буржуазных сетований насчет исторической неизбежности ее уничтожения.

На примере анализа своеобразнейшей исторической ситуации, сложившейся в России в 70-х годах XIX в., Марксу удалось обстоятельно показать диалектику общего, особенного и единичного в социально-экономическом развитии, выявить специфику действия объективных закономерностей последнего на «пересечении» различных исторических эпох.

Выше уже отмечалось, что община как социальный институт, несомненно, представляла собой вчерашний день истории, ее далекое прошлое в новую эпоху, когда человечество вплотную подходило к необходимости уничтожения эксплуатации и угнетения. И то, что раньше было обречено

²¹ Аргументацию данного положения океанийским этнографическим материалом и полемику с буржуазными исследователями по этому кругу проблем см.: *И. Л. Андреев, Д. Д. Тумаркин. Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании.— «Сов. этнография», 1976, № 3.*

на неизбежную гибель (коллективная собственность и обусловленные ею формы совместного труда), завтра могло стать исторической необходимостью. К. Маркс привел в этой связи мысль Моргана о том, что «новый строй», к которому идет современное буржуазное общество, будет своего рода отрицанием отрицания, иначе говоря, «возрождением (a revival) в более совершенной форме (in a superior form) общества архаического типа» (стр. 402).

Итак, перед сельской общиной эпохи кризиса капитализма в принципе два пути дальнейшего развития. Но не от нее самой и тем более не от нее одной зависит их выбор.

Стихийные силы экономического развития тянули общину в пропасть, или, как говорил К. Маркс, в «кавдинские ущелья» (стр. 405, 420) пауперизации беднейших трудящихся слоев деревни и обуржуазивания паразитических элементов. Не отрываясь, подобно народникам, от реальных исторических условий, К. Маркс понимал драматизм двойственности русской общины, видел трагическую для миллионов крестьянских семей перспективу «раздавливания» общины капитализмом и царизмом. «Чтобы быть в состоянии развиваться,— писал он,— необходимо прежде всего жить, а ведь ни для кого не секрет, что в данное время жизнь „сельской общины“ находится в опасности» (стр. 408).

Словом, само существование земельной общины находилось под угрозой. Во-первых, потому что капитализм в России сравнительно быстро вырос и окреп за счет изъятия государством у общинного крестьянства значительной части прибавочного и даже необходимого продукта. «За счет крестьян,— пишет К. Маркс,— государство выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, нисколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического паразита, который высасывал и без того оскудевшую кровь из „сельской общины“» (стр. 409). Все это неизбежно вызывало разрушительные процессы социально-имущественной дифференциации и усиления эксплуатации в самой общине, корежило и деформировало характер внутриобщинных отношений и связей. «Это угнетение извне,— отмечал К. Маркс,— обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и ускорило развитие в ней элементов разложения» (с. 408, 409). Поэтому здесь не было необходимости изгнания крестьян с земли для их пауперизации, как некогда в Англии эпохи генезиса там буржуазных отношений.

Вопреки утопическим надеждам народников, капитализм все глубже проникал в пореформенную русскую деревню, все более интенсивно выжимая жизненные соки из общинного крестьянства, тесня и подрывая общинные традиции коллективизма и взаимопомощи²². Особенность этого процесса как раз и заключалась в том, что в России крестьянскую общину непосредственно разрушал капитализм, созданный в основном за счет сверхэксплуатации крестьян. К. Маркс, опираясь на хорошо известные ему материалы, характеризующие жизнь пореформенной России, сделал следующий вывод: «Известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства, противостоит общине; он заинтересован в том, чтобы ее раздавить. В интересах помещиков также создать из более или менее состоятельных крестьян средний сельскохозяйственный класс и превратить бедных земледельцев, т. е. массу их, в простых наемных рабочих, т. е.— обеспечить себя дешевым трудом... Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее

²² В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» убедительно показал разрывание данной тенденции в русской деревне последующих десятилетий (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3).

капиталистами, возвращенными за счет крестьян тем же государством» (стр. 415). Мало того, искусственно подорвав общину, капиталистические нувориши, или, как их называл Маркс, употребляя это словосочетание в кавычках, «новые столпы общества», объявляли ее упадок признаком естественного одряхления и нежизнеспособности. Почему же они прилагали столько сил и слов для уничтожения сельской общины, за счет которой, собственно, выросли?

Ссылаясь на экономические факты, К. Маркс отвечал на этот вопрос следующим образом: «...Перестало быть тайной, что *нынешнее положение общины не может больше продолжаться*, что просто в силу хода вещей нынешний способ эксплуатации народных масс уже не годится» (стр. 410). Из колыбели, питательной среды сельского (а частично и городского) богатея крестьянская община все более превращалась в око-вы его предприимчивости, коммерческой инициативы, жажды наживы.

Таковы были реальные вехи и предпосылки последующего развития русской общины. И Маркс не питал насчет этого каких-то иллюзий. Но в принципе (и это, надо полагать, относилось не только к России) развитие крестьянской общины могло пойти по иному пути, что предвидел как теоретическую возможность Н. Г. Чернышевский²³, к взглядам которого К. Маркс относился с большой симпатией. Затрагивая вопрос о некапиталистической альтернативе дальнейшей эволюции общины, Маркс в отличие от Чернышевского на первый план выдвигал не внутренние качества общины как социально-экономической ячейки, а такой внешний по отношению к общине политический фактор, как революцию: «Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя» (стр. 410).

Определенное созвучие сохранившихся коллективистско-демократических традиций общинного крестьянства и гуманистических принципов социалистических общественных отношений, которые несла с собой волна революционного рабочего движения в промышленно развитых странах Западной Европы, открывало теоретическую возможность коренного поворота эволюции общины. Это создавало в перспективе известные предпосылки целенаправленного соединения коллективизма и демократизма — древнего изначального, того, с которым человечество начинало свой исторический путь, — с коллективизмом и демократизмом, объективно становящимися целью и идеалом человечества в период непосредственного вызревания предпосылок замены капитализма социализмом. При этом правомерно подчеркнуть диалектическую связь социалистических преобразований в деревне и некапиталистического пути развития, которые выступают как проявления одной и той же объективной тенденции перехода к высшей общественно-экономической формации качественно различных в стадийном плане социальных общностей.

В принципе характер и интенсивность трансформации коллективистских традиций крестьянства, безусловно, зависели в первую очередь от типа коренных социальных преобразований, ибо одно дело, когда община сохранилась к их началу «в национальном масштабе» (К. Маркс), другое — в виде островков, анклавов в системе капиталистической или капитализирующейся аграрной экономики. В этой связи необходимо подчеркнуть, что между теоретически предсказанным К. Марксом и Ф. Энгельсом феноменом некапиталистического пути развития и собственно социалистическими преобразованиями, несомненно, существует глубокое качественное (прежде всего стадийное) различие. Однако между ними

²³ Н. Г. Чернышевский. Критика философских предубеждений против общинного землевладения.— «Избранные философские произведения», т. II. М., 1960, с. 449, 471 и др.

нет непроходимой грани, и первое — при наличии соответствующих предпосылок — развивается и переходит во второе. Отсюда правомерна, на наш взгляд, постановка вопроса об определенном совпадении логики целенаправленной трансформации общинного коллективизма в ходе коренных социально-экономических преобразований в процессе как некапиталистического, так и собственно социалистического развития.

К. Маркс уже в первом наброске высказал тезис о возможном «сохранении русской общины (путем ее развития)» (стр. 401). И дальше, развертывая идею использования коллективистско-демократических традиций общинного крестьянства в процессе коренных социально-экономических преобразований, он наметил основные направления и ключевые формы использования последних революционными прогрессивными силами.

В частности, Маркс выдвинул идею крестьянского самоуправления как возможного фундамента ранних этапов национально-демократической государственности в аграрных странах. В России того времени, по его мнению, «следовало бы просто заменить волость, учреждение правительственное, собранием выборных от крестьянских общин, которое служило бы экономическим и административным органом, защищающим их интересы» (стр. 406). Таким представлялся Марксу один из путей пробуждения классового самосознания и приобщения к делам и заботам всей страны веками закабаленных и разобщенных крестьянских масс.

Два десятилетия спустя в работе «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902) В. И. Ленин подчеркивал насущную необходимость антипомещичьих демократических преобразований в России, в особенности тех, что «поведут к неизбежному и быстрому уничтожению той фискально-крепостнической обузы, какой является, на три четверти, современная поземельная община». «Но такой результат,— продолжал В. И. Ленин,— докажет только правильность наших взглядов на общину, докажет несовместимость ее со всем общественно-экономическим развитием капитализма. Этот результат отнюдь не будет вызван какой-либо мерой „против общины“, рекомендованной нами, ибо ни единой меры, направленной непосредственно против той или иной системы крестьянских поземельных распоряжений, мы никогда не защищали и не будем защищать»²⁴. И далее В. И. Ленин высказал близкие размышления К. Маркса идеи: «...Общину, как демократическую организацию местного самоуправления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать против всякого посягательства бюрократов... Никому и никогда не будем мы помогать „разрушать общину“, но отметны всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться, безусловно, *какое бы влияние эта отмена ни оказала на коренные и частные переделы земли* и т. п.»²⁵. А за пять лет до первой публикации исследуемых черновиков Маркса идея крестьянского самоуправления была развита Лениным применительно к народам Востока на II конгрессе Коминтерна в виде концепции крестьянских Советов²⁶, причем историческая практика очень скоро подтвердила ее жизненность²⁷. Важно отметить, что такой путь формирования низших звеньев, по существу наиболее массового фундамента революционно-демократической государственности на базе общинных структур и традиций, занимающий значительное место в историческом опыте создания родовых и туземных Советов у малых народов Сибири и Дальнего Востока²⁸, крестьянских

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 344.

²⁵ Там же, с. 344, 345.

²⁶ Там же, т. 41, с. 157, 234.

²⁷ Там же, т. 42, с. 132.

²⁸ А. Р. Шнейдер, Л. М. Доброва-Ядринцева. Население Сибирского края. Новосибирск, 1928, с. 106; Н. П. Никольшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков (тунгусов). Л., 1939, с. 75, 86; М. А. Сер-

и кочевых Советов в республиках Средней Азии и Казахстана²⁹, сохраняет свою актуальность в современных освободившихся странах социалистической ориентации³⁰.

Маркс поставил в набросках ответа Засулич также чрезвычайно важную для крестьянской страны, какой в то время была Россия, проблему использования коллективистских элементов и традиций совместного труда в процессе создания социалистического базиса в сфере аграрного производства. «Даже с чисто экономической точки зрения,— писал он,— Россия может выйти из тупика, в котором находится ее земледелие, только путем развития своей сельской общины; попытки выйти из него при помощи капиталистической аренды на английский лад были бы тщетны: эта система противна всем сельскохозяйственным условиям страны» (стр. 407).

Что же привлекло внимание Маркса?

Прежде всего то обстоятельство, что «одна из ее (общины.—И. А.) основных характерных черт — общая собственность на землю — образует естественную основу коллективного производства и присвоения. Помимо того, привычка русского крестьянина к артельным отношениям облегчила бы ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному, которое он в известной мере ведет уже на не подвергающихся разделу лугах, при осушительных работах и других предприятиях, представляющих общий интерес» (стр. 407). Словом, речь шла не только о чисто экономических, но и о тесно связанных, обусловленных ими социально-психологических факторах преобразования общинного «мира».

В принципе задача заключалась, следуя ходу рассуждений Маркса, в том, чтобы сельское хозяйство России, основной социальной фигурой которого оставался «парцеллярный земледелец, вооруженный более или менее первобытными орудиями», перешло на качественно новый уровень. Путь к этому лежал через «кооперативный труд, организованный в широком масштабе» (стр. 407). Последний мог опираться в процессе своего становления на традиции коллективных работ локального характера, сохранившиеся в сельской общине. Но для этого нужны были соответствующие материальные предпосылки, которых никакие традиции заменить не могли, — «экономическая потребность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления» (стр. 407). Помощь общине со стороны государства, возникшего в ходе революции, должна была состоять, во-первых, в освобождении ее от кабалы и эксплуатации извне и изнутри и, во-вторых, в оснащении современными сельскохозяйственными машинами и технологией.

геев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. XXVII, М.—Л., 1955, с. 217, 236, 237; Е. В. Яковлева. Малые народы Приамурья после социалистической революции. Хабаровск, 1957, с. 15—20; В. Н. Увачан. Переход к социализму малых народов Севера. М., 1968; И. Л. Андреев. Особенности становления советской государственности малых народов Севера.— «Советское государство и право», 1970, № 12, и др.

²⁹ А. А. Росляков. Исторические особенности перехода к социализму туркменского народа.— «Мишура капитализм». М., 1961, с. 199—201; Р. А. Нуруллин. Советы Туркестанской АССР в период гражданской войны. Ташкент, 1965, с. 104, 106, 145; Л. И. Зимина. К вопросу о конституционном развитии Таджикской ССР. Душанбе, 1966, с. 20, 26, 27—38; Х. Ш. Иноятов. Победа Советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1967, с. 171, 172; С. Кенжебаев. Советы в борьбе за построение социализма. Алма-Ата, 1969, с. 98, 126; Ж. Жумабеков. Ленинские идеи руководства массами в действии (об опыте КПСС по организации аульно-деревенской бедноты в Казахстане). Алма-Ата, 1969, с. 19—21; Б. Байбулатов. От кочевья к социализму (из истории оседания кочевого и полукочевого населения Киргизии в 1917—1937 гг.). Фрунзе, 1969, с. 26, 59—64; И. Л. Андреев. Крестьянские Советы в механизме революционно-демократического государства.— «Советское государство и право», 1973, № 9, и др.

³⁰ См., например: «Constitution de la Republique Populaire du Congo». Brazzaville, 1973, art. 77; «Ordonnance № 73—009 portant structuration du monde rural pour une maîtrise populaire du développement».— «Journal officiel», № 903 du 3 avril 1973. Tananarive. 1973, p. 22—35 etc.

Данные выводы К. Маркса подтверждают не только опыт использования общинно-родовых традиций взаимопомощи и совместного использования как естественных, так и некоторых искусственных средств производства при кооперировании промыслового хозяйства малых народов Сибири и Дальнего Востока³¹, а также сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане³², но и аналогичные тенденции коренного переустройства аграрных отношений в афро-азиатских странах социалистической ориентации.

Наиболее радикален в этом смысле курс на модернизацию традиционного общинного коллективизма, проводимый правительством Танзании³³ в *уджамаа*. Значительные объективные и субъективные трудности, а подчас и явные неудачи (например, в ряде районов товарного земледелия) не позволяют пока дать определенной (и тем более однозначной) оценки этому, безусловно, оригинальному и смелому социально-экономическому эксперименту, который, естественно, вызвал большие и противоречивые отклики во всем мире³⁴. И если одни авторы рассуждают о том, может ли стать опыт Танзании примером для всей Африки, то другие склонны видеть в нем путь, в принципе приемлемый для разных стран, независимо от местоположения последних.

Попытки в общегосударственном масштабе опереться на коллективистские элементы традиционных общинных структур легли в основу концепции радикальных социально-экономических преобразований деревни и в ряде других стран Тропической Африки. Например, в Демократической Республике Мадагаскар большие надежды возлагаются на прогрессивный, по мнению руководства страны, потенциал первичной в малагасийских условиях традиционной крестьянской общины — *фунукулуны* и производных от нее форм консолидации сельского населения *фирэсам-фунукулуны*, *фивондронам-фунукулуны*, *фаритани*³⁵ и т. п. «На Мадагаскаре, — провозглашено в Хартии Малагасийской социалистической революции (26 августа 1975 г.), — кооперирование может быть значительно облегчено древней коммуналистической (*communautaire*) традицией в ее различных проявлениях (*фунукулуна*, *фихаванана*, *фифанампиана*). Первоочередной задачей аграрной революции в ходе нынешнего этапа национально-демократической революции будет развитие и распространение социалистических кооперативов»³⁶.

Проведение социалистически ориентированных преобразований в условиях преобладания докапиталистических общественных отношений и аграрного производства — сложный, диалектический процесс, объектив-

³¹ И. Е. Терлецкий. К вопросу о пармах в Ненецком округе. — «Советский Север», 1934, № 5, с. 37, 38; В. М. Крылов. Оленеводство Пенжинского района. — «Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера». Л., 1936, с. 65—67; Г. Т. Тарасенков. Рыбное хозяйство на Ямале. — «Советская Арктика», 1936, № 10, с. 9; М. М. Броднев. От родового строя к социализму (по материалам Ямало-Ненецкого национального округа). — «Сов. этнография», 1950, № 1, с. 95, 96; В. Г. Балицкий. От патриархально-общинного строя к социализму. М., 1969; В. Н. Увачан. Путь народов Севера к социализму. М., 1971, и др.

³² Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. — «Среднеазиатский этнографический сборник» (ТИЭ, т. XXI), М., 1954, с. 7 и др.; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. — ТИЭ, т. LXXIV, М.—Л., 1962, с. 152 и др.; Р. Х. Аминова. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу. Ташкент, 1965, с. 302, 308; Г. Р. Ризаев. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1965). Ташкент, 1967, с. 80, 81, 93, 181; А. В. Сучков. Социалистические преобразования сельского хозяйства Таджикской ССР. Душанбе, 1967, с. 125, 168, и др.

³³ J. K. Nyerere. Указ. раб., с. 12; J. B. Heynen. Primary education and proposed agricultural experiment in Mwanza District. Dar-es-Salaam, 1969, p. 8.

³⁴ Y. Connell. Ujamaa villages: institutional change in rural Tanzania. — «Journal of administration overseas», t. XI, № 4, 1972, p. 273—283. bibl; H. Schutte. Tanzania. A model for Papua New Guinea? — «New Guinea», vol. 7, № 1, 1972.

³⁵ «Journal officiel», № 903 du 3 avril 1973. Tananarive, p. 23.

³⁶ «Charte de la Révolution Socialiste Malagasy». Tananarive, 1975, p. 58.

но связанный с дифференциацией как самих общинников, так и общинных традиций, с ликвидацией эксплуататорского засилья старейшин и кулацких элементов, с пробуждением классового сознания, политической активности и хозяйственной инициативы широких трудящихся масс при руководящей роли революционно-демократической партии авангардного типа, принявшей марксистско-ленинскую идеологию. Словом, речь должна идти не об удержании во что бы то ни стало и тем более не о реставрации, искусственном «скреплении» распадающейся в ходе дальнейшего исторического развития общины, а о политическом и идеологическом воздействии, целенаправленном планомерном управлении процессом разложения общины, с целью «подхватывания» и «удержания» в сменяющих общину социальных институтах и формах общественных отношений традиций коллективизма, взаимопомощи, демократического решения совместных дел, общественной собственности на объективные предпосылки производства и крупные орудия труда. Причем данный процесс не может быть ограничен сферой сознания³⁷. Залог его успешности — коренное преобразование материальной жизни, форм труда и быта прежних общинников. К. Маркс специально подчеркивал: «Разумеется, речь идет только о постепенном изменении, которое нужно было бы начать с того, чтобы поставить общину в нормальное положение на ее *нынешней* основе» (стр. 414, 415). Только таким путем можно было завоевать политическое доверие крестьянства и дать ему самому почувствовать ограниченность экономических и социальных рамок общинного устройства, все более несовместимую с достигнутым человечеством уровнем развития производительных сил и культуры.

Вместе с тем неправомерны преувеличение и абсолютизация коллективистско-демократических тенденций общины, абстрагирование от ее теневых сторон и негативных черт: исторической пассивности, скрытых институтами родства и соседства элементов угнетения и эксплуатации беднейших трудящихся слоев трибалистской и кулацкой верхушкой и т. п. Нельзя механически разъединить противоположные социальные полюса общины. Объективная двойственность общины порождает невозможность «вырвать» одну из ее сторон, не затронув другую и сохраняя общину как таковую³⁸. Диалектическое «снятие» положительных тенденций общины объективно детерминировано процессом ее распада как «локализованного микрокосма», принципиально несовместимого с масштабами и духом современного производства и социального общения. Будущие общественные формы развиваются из элементов разложения общины и зависят от того, в каких политических условиях, в какой исторической среде община осуществляет эту трансформацию.

Социализм вовсе не увековечивает общину, как ошибочно полагали социалисты-утописты и народники. Временное сохранение ряда общинных институтов и традиций, подчас переживающих общину, общин-

³⁷ Данное обстоятельство особенно важно отметить, ибо даже Ньерере, не говоря уже о буржуазно-реформистских лидерах типа Сенгора, рассматривает социализм идеалистически, как некий «склад ума», присущий общине, который колониализм «засорил» и разложил жадной предпринимательства и духом властолюбия. Однако в *уджамаа* создаются предпосылки ее «очищения» и возвращения к исходному «истинному состоянию» (см. *J. K. Nyerere. Ujamaa. Essays on Socialism. Dar-es-Salaam, 1968*).

³⁸ В современной африканской идеологии сильно тенденция к утопически-эклетическому «синтезу» технических достижений бывших метрополий либо транснациональных корпораций с эмоционально-нравственными традиционными ценностями негро-африканской души. Пример этому — концепция «негритюда» Л. С. Сенгора (см. его доклад, опубликованный в сб. «*African socialism*». Stanford, 1967, p. 265, 266). Смягченный вариант этой идеи можно видеть в доктрине «замбийского гуманизма» К. Каунды, провозгласившего необходимость «мобилизовать... традиционный дух сотрудничества и взаимную преданность роду на благо народа в современных условиях» (*K. Kaunda. Zambia: Independence and beyond. London, 1966, p. 28*), либо в тезисе одного из видных сенегальских идеологов Х. Тиамы «войти в современность, не теряя самих себя, не потеряв нашей души» («*Ethiopiques*». Dakar, 1976, № 8, p. 8).

ная форма первых местных крестьянских Советов и кооперативов были присущи главным образом переходному периоду. Традиции и иллюзии крестьян-общинников нельзя отбросить или отменить декретом. Крестьянство само должно «переболеть» ими, «выстрадать» убежденность в их архаичности. И лишь после этого возможно целенаправленное создание новых социально-экономических форм, которые опирались бы на адекватное изменяющимся историческим условиям использование рационального зерна коллективистско-демократических традиций общинного крестьянства. Именно такой гибкости в отношении крестьянства учили классики марксизма-ленинизма. Все это ставит перед прогрессивными силами задачу тонко учитывать конкретно-исторические особенности крестьянства, в частности формы его локальной консолидации, в которых осуществляется общественная регуляция отношения к объективным предпосылкам производства и непосредственно протекает хозяйственная деятельность.

Методологическое значение идей, высказанных К. Марксом в набросках ответа Засулич, вышло далеко за рамки проблематики России и русской общины, которой они непосредственно посвящены.

Впрочем, и дальнейшая история России не избежала тенденций, отмеченных Марксом. Даже в Центральной России коллективистские привычки общинной деревни не только сохранились (разумеется, в гораздо более урезанном, нежели в 70—80-х годах XIX в., объеме), но и сыграли заметную роль в процессе кооперирования сельского хозяйства и создании сельских Советов. По свидетельству историков, даже в европейских губерниях России капитализм не успел «добить» общину. А потому примерно в течение десятилетия после победы Советской власти там наблюдался довольно бурный рецидив общинных форм землепользования и организации общественной жизни, ибо «дореволюционное крестьянство России не прошло школу капиталистического хозяйствования, зато оно имело необыкновенно богатый опыт, навыки, традиции общинного землепользования», благодаря чему «общинная форма оказалась наиболее отвечающей переходной эпохе»³⁹.

Пролетарская революция не расправилась с отсталой общиной, а бережно (насколько это было возможно в суровой обстановке тех лет) повела ее за собой. Принимая по предложению В. И. Ленина Декрет о земле, II Всероссийский съезд Советов утвердил в качестве закона для проведения аграрных преобразований Крестьянский наказ о земле, одним из требований которого было распределение земель, передаваемых крестьянам государством, в уравнительное пользование с периодическими переделами. И хотя такая постановка вопроса противоречила программе партии, большевики пошли на временные уступки крестьянству, ибо верили, что вскоре крестьяне на собственном опыте убедятся в нецелесообразности распыления земли⁴⁰.

Резюмируя характер воздействия революции на крестьянскую общину, С. П. Трапезников пришел к выводу, что «Октябрьская революция возродила земельную общину, придав ей новые черты, а затем на последующем этапе... подготовила ее для перехода в высшую форму, превратив, таким образом, земельные общества в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства страны»⁴¹.

Как и предвидел Энгельс⁴², у народов отсталых, полукOLONиальных окраин бывшей Российской империи вплоть до эпохи коренных социаль-

³⁹ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1974, с. 390.

⁴⁰ П. И. Першин. Великая Октябрьская социалистическая революция и решение аграрного вопроса.— «Экономические и социальные проблемы развития сельского хозяйства». М., 1960, с. 23, 24.

⁴¹ С. П. Трапезников. Указ. раб., с. 389, 390.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 33, 34.

ных преобразований сохранились общинно-родовые традиции труда и быта. Ситуация там осложнялась отсутствием промышленности и национального рабочего класса. Тем не менее именно умелый, терпеливый учет специфики традиций общинного коллективизма, непосредственной демократии и взаимопомощи в процессе создания предпосылок социалистических преобразований был одним из главных направлений политики партии в отношении коренного населения этих районов.

В современную эпоху марксистская методология анализа дуализма крестьянской общины находит применение и подтверждение в практике развития освободившихся стран социалистической ориентации.

* * *

Размышления по поводу письма Засулич — существенная веха творческой биографии К. Маркса. Однако глубоко неправы те буржуазные «марксологи», которые стремятся заставить других «увидеть» здесь своего рода теоретический Рубикон, якобы разделяющий «двух Марксов» и даже «два марксизма»⁴³. Кстати, обвинения марксизма-ленинизма в возвращении к народничеству звучали и в известном докладе голландского социал-демократа Ван-Коля на Амстердамском конгрессе II Интернационала в самом начале нашего века, и в выступлениях и статьях Бенедикта Каутского в 1960-х годах. Эти обвинения всплывают всякий раз, когда, вопреки догмам западноевропейской социал-демократии, общинное крестьянство рассматривается марксистами не как совокупность завтрашних мелких буржуа и не как загадочный сфинкс или восточный джин, смиренно сидящий в мифической бутылке (т. е. общине), а как потенциальный союзник пролетариата в классовой борьбе против эксплуатации и угнетения, как носитель уравнилельно-демократических тенденций антибуржуазного и стихийно-социалистического характера. «Марксисты,— подчеркивал В. И. Ленин,— должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»⁴⁴.

В методологическом смысле значение набросков ответа Маркса на письмо Засулич заключается прежде всего в том, что в процессе работы над ними Маркс завершил формулирование принципов качественно нового понимания исходных (первичных) социальных институтов, выходящего из имманентного внутреннего дуализма родовой общины первоначальную слитность производственно-хозяйственных и социально-управленческих функций, многообразие стадий и вариантов ее объективно закономерного последующего разложения, колоссальную инертность и вместе с тем адаптационную живучесть общинных структур и, наконец, принципиальную возможность своеобразного «возрождения» присущих им коллективистских институтов в условиях кризиса капитализма и реализации некапиталистического пути ликвидации исторической отсталости.

Словом, исследование набросков ответа на письмо Засулич, помимо уточнения взглядов основоположника научного коммунизма на место и роль общины в историческом процессе, открывает возможность проникновения в творческую лабораторию К. Маркса, реконструкции хода его мысли, логики научного поиска, методов работы с новыми историко-социологическими материалами, содержащимися в специальных работах, свидетельствует о целостности и динамизме диалектико-материалистического понимания истории, которому не угрожает уточнение каких-то деталей и выявление новых тенденций социально-экономического развития.

⁴³ См. Р. П. Конюшая. Указ. раб., с. 44.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 121.

**KARL MARX ON THE PLACE OF THE VILLAGE COMMUNITY
IN WORLD HISTORY: THE DRAFT OF HIS
REPLY TO V. I. ZASULITCH**

The paper deals with the drafts compiled by K. Marx in March 1881 in preparing his reply to a letter from the well-known Russian revolutionary V. I. Zaslitch and with their methodological significance for studying the role and place of the village community in world history. Attention is centred upon Marx's concept of the dual nature of the community. An attempt is made at its methodological interpretation on the basis of contemporary African and particularly Tanzanian material. In this connection the author puts forward a hypothesis of a dialectical synthesis by K. Marx of the conceptual frameworks of L. G. Morgan and M. M. Kovalevsky: the former centred his interpretation of pre-history upon the clan, the latter upon the community.

In the author's opinion, the ideas expressed by K. Marx in the drafts of his reply to V. Zaslitch are applicable not only to the Russian village community of that period; they remain vitally important for scientific analysis of community structures in Afro-Asiatic countries of our own day, especially those of them that have chosen a non-capitalist way of development.